

Повседневные и символические практики: правила метафорического переноса. Охотники и добыча

Инна Сергеевна Веселова

Известно, что горизонты языка определяют когнитивные возможности, поведение и саму жизнь человека. Сама переживаемая нами реальность есть производное от дискурсивных формаций культуры. Живи мы вне времени и тела, наверное, реальность носителей одного языка стремилась бы к гомогенности. Но опыт, вбирающий в тело время, делает реальность разнообразной. По мере нашего возраста, пола, занятий, интересов, физических возможностей и темперамента мы получаем опыт. Опыт прошлого приходит к нам с языком, наш опыт оседает в нашей речи. Фольклорная речь, будучи общим достоянием, обращается к индивидуальному опыту и предлагает для него стереотипизированные формы. Будучи формацией сложной семиотической природы, фольклорная речь использует для называния нового опыта категории и отношения опыта уже существующего, сходного с наличным по одному из признаков. Сходство это — предмет негласного договора. Продукт такого переноса — фольклорная метафорическая топика. Культура занята «гармонизацией опытов и постоянным подкреплением, которое каждый из них получает из индивидуальных или коллективных (например, во время празднований), импровизированных или запланированных (присказки, поговорки) выражений сходства или тождественности» [Бурдые 2001: 112, 113]. Фольклорная метафора есть субстрат телесного, эмоционального и социального коллективного опыта, но оживает она каждый раз в конкретном высказывании отдельного человека. Отношение общей метафоры, практики и опыта составит предмет моего анализа. Материалом по-

служит корпус текстов и описаний, собранных в ходе полевых исследований СПбГУ в Мезенском и Лешуконском районах Архангельской области в 2007–2013 годы, имеющих общую топику, которая и была вынесена в заглавие статьи: охотники и добыча⁵.

Охота для деревенского жителя на Русском Севере – занятие обыденное. Многие мужчины и некоторые женщины вовлечены в этот промысел. Обыденность занятия добычей зверей и птиц, «раскрывающая порядок⁶ в самой его сути» [Фуко 1994: 33], проникает во все сферы деревенской жизни. Основу традиционного промысла до сих пор составляют нормы обычного права, специфические техники тела, дающие в свою очередь основания для метафор и сравнений в фольклоре и обрядах. Знание «как охотиться» встроено в естественное течение жизни. Оно передается всей совокупностью привычек и умений. Никто не учит и не учится охоте по учебникам или на тренерских курсах, и навыки промысла, строго по Бурдые, «объективно „следующие правилам“ и „упорядоченные“, ни в коей мере не являются продуктом организующего воздействия некоего дирижера» [Бурдые 2001: 102]. Слушая охотничьи рассказы, угощаясь продуктами промысла и знакомясь с его орудиями, антрополог в русской деревне имеет дело с габитусом как системой «устойчивых и переносимых диспозиций, структурированных структур, предрасположенных функционировать как структурирующие структуры, то есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления...» [Там же].

Именно это – структурирующее и организующее воздействие габитуса – можно обнаружить в разнообразных экспликациях топики охоты⁷, представленных в символических практиках севернорусской деревенской жизни: в свадебном ритуале и обряде «охоты на молодок»⁸, в привычных образах ряженья-травестирования и припевках, в росписи прялок и величаниях-виноградях. Жесты, действия, эмоции, атрибуты и костюмы охоты используются не для промысловой магии, а для того, чтобы при их помощи артикулировать отношения и категории из других сфер. В частности, отношения желания и желаемого, азарта и соревнования, воли и подчинения между мужчинами и женщинами, старшими и младшими. Нас будет интересовать то, какие именно категории и отношения повседневной практики экстра-

⁵ Интервью, фото и видеоматериалы хранятся в ФА СПбГУ и тематических коллекциях АНО ПЦ.

⁶ Следуя Фуко, я понимаю «порядок» как «то, что задается в вещах, как их внутренний закон, как скрытую сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка» [Фуко 1994: 33].

⁷ Полагаю, что само название промысла «охота» ясно указывает на связь процесса добывания с состоянием и устремлением его субъекта. См.: «Охота, ж., состояние человека, который что-либо хочет; хотенье, желанье, склонность или стремление, своя воля, добрая воля; страсть, слепая любовь к занятию, забаве; ловля, травля и стрельба диких животных как промысел и как забава; полеванье, лесованье, лешня, полешня» [Даль 1995: 773].

⁸ См. описание и анализ обряда *охоты/ловли/убийства молодки* в наст. изд.: Баукова К. С. «Не ловленной не останется»: *убийство молодок* на Заговенье как обряд перехода. С. 211–220,

полируются в символическую деятельность. Как метафоры охоты (вербальные, визуальные, поведенческие) дают возможность выразить в ритуалах, художественной практике и фольклоре эмоции и чувства, определить суть социальных ролей и сценариев. Привычный инструментарий структурно-семиотической фольклористики недостаточен для анализа такого рода высказываний. «Словарные» трактовки мифологических представлений об охоте, охотниках и представителях фауны, которые мы можем встретить в разных энциклопедиях и научных статьях, посвященных традиционным культурам, не объясняют ни смысла, ни прагматики многих жестов и образов.

Я полагаю, что для понимания практик и высказываний, а не инвариантных схем обрядов и системных описаний языка культуры, важно отдавать себе отчет в том, к какому именно социальному, эмоциональному, телесному опыту обращается «пользователь» метафоры, совершая перенос по сходству. Джордж Лакофф и Марк Джонсон, авторы классического труда «Метафоры, которыми мы живем», утверждают: «Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если... наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливается метафорой» [Лакофф, Джонсон 1990: 387]. С благодарностью разделяя с классиками идею ценности метафоры для формирования понятийного горизонта, я хотела бы показать, что в фольклорной речи метафора берет свои основания из повседневного телесного, социального и психологического опыта каждого отдельного человека. Метафора – знак знака, метка сходства, связывающая, создающая смысл одной практики через другую.

Приведу пример. В первый день свадьбы, когда в доме жениха происходит свадебный пир, мужики деревни в верховьях реки Мезени собираются под окнами и стреляют из ружей. Некоторые из них говорят, что их цель – конек на крыше, другие метят по *побасулькам* – украшениям на фасаде дома. А кое-кто утверждает, что они таким образом «загоняют куницу в дупло».

А охотники кто, у кого ружья, любят стрелять, пострелять. Значит, куницу надо загонять, чтобы она не выходила. Из этого, из дупла. Понял? <Это как, это про невесту?> Да, невесте... ну стреляем-то что. Охотник, видишь, если в лесу там куница зашла в это, дупло... где живет. Ты выстрелишь, чтобы она там сидела. И выскочила, стреляешь. Она так же, я тоже родственник со стороны невесты, со стороны жениха. И тоже были приглашены. Охотник да, вот у меня патроны...⁹

Честно говоря, можно было бы и пропустить этот не самый понятный и не самый впечатляющий элемент в описании свадебного обряда, что чаще всего и происходит при описании свадебного обряда Архангельской области (например, почти у всех корреспондентов П. С. Ефименко). Если же заняться «расшифровкой» семантики «загона куницы», то можно попробовать синтезировать смысл этого жеста из суммы его составляющих. Например, обратившись к этнолингвистическому словарю «Славянские древности», мы выясняем значение концепта «куница» в фольклоре и традиционной культуре. Из авторитетного издания становится понятно, что «куница» — носительница эротической и брачной символики и в череде метафор невесты сходство ее с куницей (наравне с лисицей, утицей, лебедью, белкой, тетерой) занимает свое заметное фольклористам место. Охотник, по мнению авторов энциклопедии, — прежде всего не человек, занимающийся звероловством, но, «наряду с другими „знающими“, лицо, которому приписывались магические способности и колдовское знание» [Левкиевская 2004: 600]. Е. Е. Левкиевская в посвященной промысловичу словарной статье упоминает сюжет охоты на куницу в севернорусском свадебном обряде. Но вкупе с упомянутыми магическими способностями охотников это упоминание не делает обряд понятнее. Зачем мужики изображают себя охотниками за куницей? В чем смысл ритуального высказывания для них? Суммируя данные словаря, можно предположить в этом ритуальном действии эротическую магию, но что-то не сходится. Возможно, мешает опасная близость обнаружения реликтов групповых браков или чего-то еще более удивительного из «архаизированной» жизни традиционной русской деревни. Все-таки следов древнего про-

⁹ ФА СПбГУ, DTxt11-173_Arch-Lesh_11-07-11_MatveevIK. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олема, д. Матвеев И. К., 1930 г. р., местный; зап. Баранов Д. К., Шеркунова А. А. 11.07.2011.

мискуитета у старообрядческого по преимуществу населения здешних мест не наблюдается.

Разбираясь в семантике свадебной стрельбы, зададим простым вопросом: стрелявший соревновался с женихом или помогал ему? И более сложным: какой культурный императив двигал им?

До рассказа о свадьбе Исаак Кириллович Матвеев вспоминал охотничьи истории. Оставшись без ноги после неудачной охоты на медведя, он все равно ходит проверять *силья* на птиц на своем *путьке*. Он лишь вскользь упомянул о технике охоты на куницу, думая, что его собеседник догадывается о ней. Не имея представления об этой технике, я обратилась к описаниям охоты на куницу, отличной от добычи уток, гусей и доступной только опытному охотнику¹⁰. Куница – хитрый и ловкий зверь: она «летает» по верхушкам деревьев. Позволю себе привести почти тургеневское описание охоты на куницу, размещенное на одном из профессиональных сайтов:

«Охотник решил обойти ель стороной и стронул сторожкого зверя. С елей посыпалась кухта, и куница, точно птица, замелькала с одной ели на другую. Пес молча бросился за ней, не спуская зверя с глаз. Пройдя грядой метров сто, куница вновь затаилась. Охотник рядом с собакой и готов к выстрелу. Но не успел он и переступить, чтобы лучше прицелиться, как куница опять пошла верхом. <...> Нередко куница скрывается в дупле или в гайне белки. Тогда следует стукнуть по стволу дерева обухом топора. Иногда достаточно поцарапать по коре дерева, как хищник высунет из отверстия острую мордочку и, перемахивая с ветки на ветку, пойдет грядой»¹¹.

Символически загоняя куницу в дупло стрельбой на свадьбе, наш собеседник не сомневается, что куницей является молодая жена. Но **дело** метафоры не в том, чтобы создать еще одну номинацию невесты. Дело в том, что отныне с невестой **нужно поступать, как с куницей**. Загоняя добычу в дупло на охоте, охотник создает для зверя патовую ситуацию: куница может выскочить из укрытия только ценой собственной жизни. Стреляя около дома, мужчины полагают, что в дом-дупло «надо загонять, чтобы она не уходила», чужую жену-куницу. Если я правильно поняла технику охоты, то свадебная стрельба метафорически демон-

¹⁰ По мнению опытных охотников Мезенского края, охота на уток – самый простой из всех видов охоты. Т. е. настоящими охотниками добычки уток даже и не считаются. Так, один из информантов отозвался об охотничьих навыках другого: «Ну кааак... За утками ходит...». Уничжительная характеристика была дополнена еще и сообщением, сколько патронов у знакомого ушло на добычу: «Это по двадцать патронов в утку. Это п...ц. Сорок патронов на две утки». (ФА СПбГУ, DTxt10-177_Arch-Lesh_10-07-18. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогора, д. П. А. Г., 1981 г. р., местный; зап. Елян К. Б., Лаврина М. Н. 18.07.2010).

¹¹ Сибирский охотник: сайт. URL: <http://www.hunting.ru/articles/view/56455/>

стрирует, что «женщина-куница должна забраться в дом и не выходить из него под угрозой стать добычей» со стороны других мужчин. Будучи априори «охочими» до нее, похоже, они признают, что женщина-куница является **не их добычей**. Семантика стрельбы как превентивного устрашения по-иному проговаривается в рекомендации, обращенной к женатым гостям, из «свадебного приветствия» «человека с железным крюком»¹²: «Слушайте, послушайте: своих жен на улицу не распушайте, будете распушать, то молодцы ребята будут хватать» [Ефименко 2009: 214]. Стреляющие мужчины сообща загоняют в новое дупло женщину-куницу, демонстрируя угрозу и одновременно указывая жертве локус защищенности от них же. Думаю, что именно эту интерпретацию в своем рассказе охотник И. К. Матвеев предложил интервьюируемому его студенту и желал убедиться в понимании метафорического переноса процедуры охоты на свадебную ситуацию. Я не уверена, что понимание произошло: у исследователя-горожанина не было опыта охоты. Современный дискурс представляет эротическое общение с противоположным полом в категориях иных метафор: рыбной ловли (*подцепить*) или уроков труда (*склеить*), причем эти метафоры являются метафорами-«унисекс» — так могут выражаться и женщины, и мужчины.

Нужно сказать, что спектр ритуальных, фольклорных и визуальных жестов, в которых обнаруживается топика «охоты», по полевым материалам, собранным в деревнях по Мезени и Вашке, очень широк. Представляя максимум метафорических валентностей этой практики, я надеюсь выявить актуальные для культуры отношения и связи. Те, которые кажутся самоочевидными, не выговариваются и не обсуждаются, оставаясь в зоне подсознательного и автоматического знания. Много раз повторенные и транслируемые через все каналы восприятия культурные паттерны обеспечивают безошибочное воспроизводство отношений. «Бессознательность, связанная с привычкой, экономит как мышление, так и сознание; то же верно и в отношении недоступности процесса восприятия для сознания. <...> В этом смысле искусство становится... если хотите, видом игрового поведения, функция которого, помимо всего прочего, состоит в том, чтобы практиковать и совершенствовать коммуникацию сознательного с бессознательным» [Бейтсон 2009: 202].

¹² Пространное «свадебное приветствие» оглашал знающий его наизусть один из крестьян деревни, не участвующий в свадебном застолье. Стуча кочергой по полу, он отрывисто произносил пятнадцатиминутный назидательный спич [Ефименко 2009: 214].

Продолжим семантический анализ символических практик с топикой «охоты» на материале свадебных фольклорных жанров и обрядовых действий.

В 2010 году мы работали в деревне Кеба в 85 км от районного центра села Лешуконского вверх по реке Вашке, практически на границе с республикой Коми. В деревне нас интересовал хор, который в начале 90-х годов прошлого века выезжал на гастроли во Францию: специалисты Института человека в Париже выбрали его по признаку аутентичности из многочисленных здешних хоров для большого фестиваля. Хор сейчас состоит из 8–10 участниц (1925–1975 гг. р.) без музыкального образования. В основном хор собирается летом, когда все участницы приезжают в деревню. Они поют только то, что знали их матери, бабушки, и половину хора составляют дочери-матери. В процессе записи их обрядового репертуара возникло множество вопросов, на которые, по счастью, у наших собеседниц находились ответы.

Первый свадебный день начинается в деревне Кеба с обряда представления участников. Встреча жениха с невестой происходит под следующий диалог:

Там пришли охотники, вот закроют невесту, спрятают по старинному обычаю, а жених стучится в дверь, а мы спрашиваем:

– Зачем ты идешь сюда, в этот дом?

Он говорит:

– За такой-то, за такой, за невестой.

А мы говорим:

– А у нас такой невесты нет, превратилась в щуку да в море ушла.

И отвечает жених:

– А у нас рыбаки хорошие, сети поставили и вашу невесту как бы выловили.

Опять они говорят:

– Такой у нас нету, она превратилась в птицу, в лебедя, улетела, там, в сине небо!

А он отвечает:

– У нас охотники, там, за дверьми, у нас охотники удалые, стреляют метко, вот ее, там, убили, и она у вас!¹³

Сценарий ловли щуки и охоты за птицей объявляется метафорическим лейтмотивом свадьбы. Роли распределе-

¹³ ФА СПбГУ, Леш1-81. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Кеба, д. Смородина Е. В., 1925 г. р., местная, Норина К. И., 1955 г. р., ур. г. Северодвинск, Петракова Г., ок. 1940 г. р., местная; зап. Воронков П. А., Козлова А. В. 14.07.2010.

ны. Однако разучивание этих ритуальных ролей начинается задолго до начала свадьбы. Так, в репертуаре хора нашлись *припевки* – короткие песни, которыми на вечеринках припевавали девке парня и наоборот. До сих пор женщины поют эти припевки в разных ситуациях, с удовольствием подставляя имена подруг и их мужей.

*Тетера на стол прилетела,
Там Марья спать захотела,
Она стала спать-посыпати,
Стала ждать-дождати,
Не придет ли Данил ночевати,
Осеннюю ночь коротати,
Осенняя ноченька долгая,
А летняя ночка коротка.
Не пил бы, Данил, ты допьяна,
Не пропил бы с себя да кафтана,
С Марьи-души сарафана,
Не стали бы люди смеяться,
Что не в чем Марье одеться,
Васильевне разгуляться¹⁴.*

Для объяснения возникающего в припевке с прилетом *тетеры* желания молодой *спать* достаточно привести минимальный обрядовый контекст. Публичное объявление желания такого рода возможно в единичных, преимущественно ритуальных, ситуациях. В частности, в ходе свадебного обряда: «После каши сенницами поется обыкновенная застольная песня. Живо, как пропойт в песне стих: „Теперь-то стол пристал, молода спать захотела“, молодые ускользают из-за стола и уходят в особое отделение для отдыха. Гости же, пожелав вдогонку молодым: *в первую ночь сына да дочь, доканчивают обед и пьют вино, а потом расходятся*» [Ефименко 2009: 206].

В припевке поющие удивительным образом осведомлены как о желании молодой *спать*, так и о ее уже супружеском ожидании мужниного возвращения с гулянок и, в свою очередь, о ее собственном праве «одеться» и «разгуляться». Как и положено в произведениях искусства и сновидениях, логика лирического текста игнорирует причинно-следственные и хронологические последовательности. Всеведущие певицы знают и об относительной длине ночей, и о реакции публики на пропойство мужа, хотя припевки

¹⁴ ФА СПбГУ, DTxt10-154_Arch-Lesh_10-07-11_кебскииһог. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Кеба, д. Норина К. И., 1955 г. р., ур. г. Северодвинск, Левкина Е. С., 1929 г. р., местная, Цивилева М. П., 1952 г. р., местная, Смородина Е. В., 1925 г. р., местная, Левкина М. К., 1946 г. р., местная, Сахарева Р. Ф., 1934 г. р., местная, Харькина Г. А., 1949 г. р., ур. д. Смоленец, Прокацкая А. А., 1968 г. р., ур. д. Чупрово; зап. Веселова И. С., Беляева Е. А., Козлова А. В. 11.07.2011.

поются на молодежных вечеринках и адресованы девушке или парню, еще не вступившим в брак, а только замеченным во взаимном интересе. Но прагматическая цель припевки – не описание претензий или желаний, а установление связи между пациентами, создание отношений, в которых возможно и то и другое.

Позволю себе длинную цитату из статьи Грегори Бейтсона «Стиль, изящество и информация в примитивном искусстве», поясняющую действующий в фольклорной лирике механизм метафоризации: «...на фрейдистском языке обычно говорят, что операции бессознательного структурированы в терминах первичного процесса, в то время как сознательные мысли (а особенно вербализированные мысли) вторичным процессом. Первичный процесс характеризуется (по Отто Фенихелю¹⁵) отсутствием отрицания, временных форм, какой бы то ни было идентификации лингвистического наклонения (то есть изъявительности, сослагательности, желательности и т. д.) и метафоричностью. <...> В первичном процессе вещи и лица обычно не идентифицируются, а в фокусе дискурса находятся отношения между ними, существование которых утверждается. В действительности, это только другой способ сказать, что дискурс первичного процесса – метафорический. Метафора оставляет неизменными отношения, которые она „иллюстрирует“, но заменяет *relata* (объекты, связанные отношениями) другими вещами и лицами. Попросту говоря, факт использования метафоры маркируется вставкой слов „как если бы“ или „подобно“. В первичном процессе (как в искусстве) нет маркеров, которые указали бы сознательному уму на метафоричность материала сообщения» [Бейтсон 2009: 205].

Если метафорическое высказывание тренирует отношения, то *relata* должны нанизываться по принципу сходства отношений. Избыточность художественного высказывания доводит паттерн до автоматизма, то есть, меняя *relata*, метафора будет повторять высказывание до тех пор, пока принцип отношения не будет усвоен пользователем. В свадебной припевке я обратила внимание на *тетеру*, прилетевшую на стол и запустившую цепочку ассоциаций в тексте припевки. Спросив у певиц, про какую тетеру они поют, я поставила их в неловкое положение. Они никогда не задумывались о словах песни, которые были им и так понятны. И только через

¹⁵ Отто Фенихель (Otto Fenichel) (1897–1946) – известный немецко-американский психоаналитик. Автор классического учебника «Психоаналитическая теория неврозов», представляющего собой энциклопедическое руководство по клиническому психоанализу.

некоторое время с моими собеседницами случилось озарение. Они вспомнили, что на второй день свадьбы *на тещин стол* (во время общей трапезы свойственников в доме родителей молодой) ставят на стол тетеру:

Вот положит, а может, тетеру положат сваренную. <Вареную?> Да не живу я же, вареную, мясо, ну вот так, куры, гуси, как стрелять, закрывают его, чтобы вот эти вот эти, стреляют в это, это ружье считается, ну они как целятся и как раз, стреляют. Вот я не попала, вот худой этот, а надо, чтоб в гуся попала таким ружьем...¹⁶

Гости ожидают «стрельбу по гусю/тетере» как обязательное свадебное увеселение. Каждый из «зятьев» за *тещиным столом* имеет импровизированное ружье — расщепленную надвое лучинку, похожую на ученические восточные палочки для еды. В конец ружья вставляются маленькие щепки для стрельбы по поставленной посреди стола закрытой платком *тетере* — любой целиком приготовленной птице. В момент стрельбы взрослым мужикам становится очень важно попасть в *тетеру-куру-гуся* из ненастоящего ружья.

<Скажите, вот они вчера объясняли, как вот в гуся стрелять...> Кура обыкновенная, куру закрывают, полотенце или платок красивый и стреляют. Ой, не попал, ты худой у нас, а ты попал. У нас и потом невеста будет отдаривать, кто кого попал, да, по-моему, всех отдарит, кто попал, кто не попал. А, если попадет, да мимо, дак скажут: «Вот, осечка у тебя!». Смеяться будут: «Ты худой стрелок, не попал ты в гуся-то!»¹⁷.

Кура, закрытая платком, похожа на незатейливую шараду. Ведь невеста пребывала в таком сокрытом состоянии от сватовства до замужества. Сохранилось достаточное количество фотографий и свидетельств об этом моменте обряда. Побывать в роли птицы, закрытой платком, мне пришлось в ходе демонстрации сватовства, и надо сказать, что это не самый приятный телесный опыт, напоминающий бесконечную игру в жмурки [Богданов 2001]. В отличие от игры, где лишенный зрения не утрачивает активности, оставаясь агенсом игры, не видящая ничего из-под платка, ведомая за руку *просватанка* — пассивный пациент управления. Потерю визуальной активности невеста не может компенсировать активностью тактильной или аудиальной.

¹⁶ ФА СПбГУ, DTxt10-159_Arch-Lesh_10-07-14_SmorodinaEV. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Кеба, д. Смородина Е. В., 1925 г. р., местная, Норина К. И., 1955 г. р., ур. г. Северодвинск, Петракова Г., ок. 1940 г. р., местная; зап. Воронков П. А., Козлова А. В. 14.07.2010.

¹⁷ Там же.

Она может переживать безволие, погружаясь в состояние лиминальности. Судя по интервью, доминантной эмоцией свадьбы, о которой вспоминают наши информантки возраста около 80 лет, был страх. Чего именно они боялись (чужих родственников, мужа, новой жизни), наши собеседницы чаще всего сказать не могут. Психологи считают, что возникновение и развитие чувств выражает формирование устойчивых эмоциональных отношений (иначе говоря, «эмоциональных констант») и основывается на опыте взаимодействия с объектом. Однако у невест, вышедших замуж *по-старому*, еще не было опыта взаимодействия со своими «объектами»-женихами, этой эмоции их «научили» в ходе всего предбрачного периода.

Разыграла для нас реконструкцию собственного сватовства в той же деревне Кеба Лидия Павловна Левкина 1932 г. р. (родилась в деревне Олема). Лидия Павловна рассказала, что в начале 1950-х годов ее дядя принял решение выдавать ее замуж «по-настоящему». Когда за Лидию Павловну посватался молодой счетовод из Архангельска, родня сочла, что «первой жених – перво счастье», и порешила выдать девушку за него. В знак согласия дядя накрыл девушку огромной шалью до пола и несколько раз провел кругом против часовой стрелки по избе за красную ленту. Бедный счетовод был готов сбежать. Уж больно «дикой» показалась ему вся эта старина. После третьего круга в небольшом помещении, будучи закрытой платком, ты теряешь ориентацию и волю. Дядя невесту еще и щипал, чтобы она рыдала погромче, но та хохотала. Впрочем, хоть рыдай под платом, хоть хохочи, не важно – ты поймана. Накрытая платком невеста и накрытая платком *тетера*, которая стоит посреди стола и служит целью для мужчин-охотников, обозначают одно и то же. Это – цель, **мишень**. Она накрыта платом и таким образом **лишена личных черт**. Стреляют, строго говоря, не по самой невесте. Стрельбой демонстрируют ловкость и удачливость, умение *попасть* в добычу, но невеста одаривает платками тех, кто удачно *попадает*. Меткими охотниками, попадающими в цель, искренне желают показать себя мужчины. В то время как женщину «встраивают» в отношения «охоты» за нею и телесно (под платком, лишив ее возможности ориентироваться и осуществлять визуальный контроль), и проведя

череду обрядов первой брачной ночи, когда сексуальный опыт приравнивается к «подчинительной связи».

Вербально то же отношение насилия и жертвенности, в ходе ритуала трансформирующееся в принятие и заботу, реализовано в метафорах свадебных песен. Например, до сих пор самой популярной в Мезенском крае остается свадебная песня «Вдоль по морю...». В ней сокол, налетающий на белую лебедь и пускающий ее кровь, «колыблет» воды под нею.

*Вдоль по морю, вдоль по морю
Вдоль по морю, морю синему (2)
По синёму (2) по синё морю Волинскому
Плывёт лебедь (2), плывет лебедь с лебедятами (2)
Со малыми (2) со малыми со дитятами (2)
Под ней вода (2) под ней вода не колыблется (2)
Надлетает (2) надлетает тут ясён сокол (2)
Ясён сокол (2) ясный сокол молодца душа (2)
Душил, губил (2) душил, губил лебедушку белую (2)
Он кровь пустил (2) кровь-то пустил во сине море (2)
Развевял пух (2) развивал пух по поднебесью (2)
Сбирала девка пух (2) Сбирала пух приговаривала (2)
Кому же этот пух (2) Кому же этот пух достанется (2)
Достанется (2) Достанется милому дружку (2)
Милому дружку (2) Милому дружку на подушечку (2)
Сердечному (2) Сердечному на сголовьце¹⁸.*

Метафора женщины-добычи создает подчинение чужо-му желанию вербальными (припевки и свадебные песни) и визуальными (скрытое **нечто** просватанной невесты и свадебной тетеры) средствами. Стрельба зятьев за столом демонстрирует ценность мужской меткости в охоте, причем охоте любого рода. Несколько раз меняются *relata*, но женская подчиненность **мужской охоте**, отмена **личных качеств у добычи**, ценность **мужской меткости** остаются константами свадебных символических высказываний от молодежных гуляний на вечерках до *тещиного пира* с поощрением метких стрелков.

Иной – визуальной – ипостасью «охотничьей» топики являются центральные «сюжетные» сцены на прялках *палашельской росписи*. Палашельские прялки (с называемой также *мезенской росписью*) распространены на протяжении

¹⁸ Из песенника Татьяны Ивановны Аксеновой, 1947 г. р. (д. Засулье). Архангельская обл., Лешуконский р-н, Засулье, д.; зап. Веселова И. С., Куныгина А. Ю. 03.07.2013.

всего течения рек Мезени и Вашки, а также Пинеги и Печоры. В каждом старом деревенском доме всегда найдется несколько штук этих артефактов разного размера – для пряж разного возраста и роста. Мезенская прялка представляет собой лопасть на ножке с сиденьем из цельного куска дерева (в форме перевернутой перекладиной вниз буквы «Г»). Для ее изготовления берут выкорчеванное из земли с корнем дерево. Его нижняя, корневая, часть образует сиденье прялки, а верхняя, стволовая, – лопасть, к которой крепится кудель или шерсть и которую и украшают детальной росписью.

По сведениям искусствоведов, в деревне Палащелье в середине XIX – первой половине XX века почти в каждом доме расписывали прялки. Сейчас сохранились имена только мастеров-мужчин, хотя известно, что женщины помогали в росписи. Мастера ставили на изделия свои инициалы, цену, имена заказчика и адресата дара. Особенностью мезенской прялки как женского инструмента является «маскулинность» ее производства и сбыта: мастерами, так же как покупателями на ярмарке и заказчиками для жен, невест и дочерей, были мужчины. Именно они были носителями и заказчиками художественного канона. Материалом росписи служили сажа, разведенная со смолой, и красная глина (мергель), из которой состоят здешние берега-щельи.

Роспись прялок для непосвященного зрителя сродни египетским иероглифам. В странных существах на паучьих ногах со временем научаешься видеть коней, оленей и даже распознавать в красных жирных закорючках, похожих на зеркально перевернутые S, стаи кур-лебедей. Привычка палащельских мастеров рисовать изящных тонконогих лошадей, в то время как местная порода лошадей-мезенок отличается короткими мощными ногами, приспособленными к езде по снежным заносам, намекает на то, что не всегда фактическая реальность определяет реальность символическую. В художественном паттерне росписи конь значим не из-за способности прыгать по сугробам. Орнаментальные фигуративные полосы, состоящие из бегущих друг за другом коней, оленей, птиц, чередуются с полосами сложных геометрических узоров, называемых *бёрда*. Лишь одно место на прялке отведено не орнаменту, а разовому, часто сюжетному изображению. Сюжетные рисунки на прялке (всадники, сражающи-

еся наездники, санные выезды, сцены охоты или корабли) удивляют своей «детскостью» и неловкостью по сравнению с четкостью орнаментальной росписи. Рисовальщик утрачивает контроль за пространством росписи, и композиция теряет равновесие, строгую симметричность. Как будто бы, выходя из строгого ритма и вступая в область импровизации, он теряет ориентацию. Перечисленные выше сюжеты росписи выдают художественную логику, подобную логике детского рисунка, описанной М. Осориной: «Нормальный ребенок до пяти-шести лет, рисуящий от себя, по собственному желанию... воспользуется возможностью осуществить желаемое. При помощи изобразительного языка на листе бумаги, где незапуганный взрослыми ребенок обычно чувствует себя всевластным правителем, он по мотивам увиденного создаст аналогичную ситуацию, где действующие лица будут другие. В центре событий поместится сам автор рисунка, а рядом предстанут те, кого он захочет взять с собой. <...> Ребенок помладше поступит прямолинейно-просто — заменит персону, которая действовала в реальной ситуации, портретом самого себя. <...> Ребенок, которому уже около четырех лет или больше, действует хитрее. Его типичный ход — представить себя в желаемых обстоятельствах не в собственном облике, а в виде любимого героя, с которым ребенок себя отождествляет. Чаще всего это бывает предпочитаемый образ животного» [Осориная 2010: 114–116].

В сюжетном изображении практически не встречается женских фигур (я знаю лишь одно-два исключения). Выбирая сценку для прялки (путешествия на лодке-пароходе, или санный выезд с ездоком с плеточкой, или охоту), художник изображает «идеального» с мужской точки зрения избранника пряжи. То есть из мужского лагеря в женский стан передается сообщение о ценностях.

Сюжетный ярус расположен на той стороне лопасти, на которую смотрит пряха, сидя на этой прялке. Большую часть времени сюжетное изображение закрыто куделью, но по мере прядения кудель истончается и открывается сама картинка. Она предназначена только ей. Как изображение на дне тарелки. Как портрет в медальоне. Отличить одну прялку от другой можно только по этому, центральному, скрытому куделью в рабочих прялках рисунку.

На больших полноразмерных прялках, предназначенных для взрослых женщин, на этом месте чаще всего изображен **один** конь¹⁹, реже — два сражающихся коня, еще реже — два мирно бредущих коня. В то время как с внешней стороны, обращенной к другим, на прялке нарисовано несколько полос бегущих друг за другом коней-олений-лосей²⁰. Количественное сопоставление со всей очевидностью переводит в «женский» регистр предостережение женатым мужчинам держать своих жен под присмотром. Для прях прялка не устает повторять: «Снаружи мужчин, может, много, но твой, предназначенный тебе конь, — один!». Противопоставление желательной и спасительной единственности опасному мужскому множеству формируется, как замечено С. Б. Адоньевой, и в практиках святочных девичьих гаданий: «Все мантические усилия опекающих девушку направлены на то, чтобы прорваться от все- и внаходимости этого мужского „Ты“, внешним воплощением которого оказывается нерасчленимое мужское сообщество — „женихи“, к единственности и личности — имени, лица и тем самым освободиться от одержимости ожиданием и близостью „кого-нибудь“» [Адоньева 2001: 88].

На маленьких прялочках, предназначенных для девочек или совсем юных девушек, устойчиво встречаются изображения лебеди-птицы-курицы. То есть там, где «конь» как *animus* в бессознательном еще не проявлен, пряхе назначено тренировать «воображаемое» на своей *anima* в виде курицы/птицы.

Достаточно часто (десять из почти сотни прялок, которые учтены при анализе) в центральном ярусе «взрослой» прялки изображена сцена охоты на птицу: елка, собака, охотник, на елке птица.

Елка, иногда замещающая птицу-курицу в изображениях на прялках для девочек, — важный атрибут другого местного обряда — **новизны**. Новизну (*новисьню*), типичный обряд «включения», устраивали при первом выходе на сенокос молодой жены на позже мужчиной семьи. Молодая просила кого-то из мужчин рода вырубить ветки на верхушке выбранной ею елки (лучшей: высокой, ровной, растущей на сухом месте подальше от реки, чтобы ее не смыло). В результате получалась елка-флаг, заметная издали. Женщины регулярно проводывали *свою* елку: проезжая мимо, бес-

¹⁹ В рамках данной статьи семантику коня я могу только обозначить. Все старинные дома в Мезенском крае имеют *князевое бревно* с фронтальной скульптурой головы коня или оленя (к коньку прибиваются олени или лосиные рога). Хозяин дома метафорически воплощен в этом коньке. Так, умирая, пожилой знающий прошил приподнять конек, чтобы облегчить себе агонию. Сны с комлевым деревом (дерево с корнем, из которого делают князевое бревно) предвещают судьбу хозяину дома.

²⁰ Иногда в «сюжетном» картуше рисуют разрушихся коней или сражающихся всадников. Упомянувшийся в самом начале эпизод со стрельбой вечером свадебного дня, как уже говорилось, имеет еще одну интерпретацию: около избы, куда девушку только что выдали, собираются парни, которые «жалели» эту девушку, т. е. гуляли. Они-то и стараются попасть в конька на *охлупне* дома, который символизирует хозяина дома. Метафорический вызов мужу, по рассказам наших собеседников, не раз перерастал в драку.

покоясь, не пала ли или не засохла, очевидным образом испытывая связь своей судьбы с судьбой дерева.

Новизна... Новизна, да, есть-есть. Такая елка, наверху так, а здесь это раз, и там опять так... Это значит первый год замуж выйдешь, на сенокос пойдешь, и там вот это самое. У меня тоже зарубали новизну, у меня есть там... все еще наверно стоит. <А вы не знаете, как дерево выбиралось?> *А высокое чтоб было, чтоб видно было эта новизна-то, не то чтоб там внизу, а видно чтоб*²¹.

На нескольких уровнях визуального высказывания центрального медальона прялки утверждалось несколько смыслов, организованных знаками разных типов – иконическими, индексальными и условными²².

Во-первых, определялось индексальное различие уникальности и типичности, определенности и неопределенности. Есть множество птиц – и есть единственная. Есть множество коней – и есть один Конь.

Во-вторых, символически визуальные знаки обращались прямо к пряхе: «Ты – птица».

А при помощи иконического рисунка для более взрослых прях рисовальщики сообщали: «Среди череды коней есть один, **твой**». Сюжетные картинки со сценами охоты добавляли: «Птица – добыча охотника». Другие сюжеты предлагали выбор идеала: «**Он** – моряк, охотник, ездок». Но ни одна из прялок не предложила женщине иной, кроме птичьей или елочной, судьбы, никакой, кроме как быть добытой, роли.

* * *

Переходя к охоте как повседневной деятельности, я попробую описать временные, пространственные, гендерные, социальные и психологические аспекты практики. Охота, как и многие другие повседневные занятия, аккумулирует опыт в некоторую типическую схему, в многослойность порядков.

Самый, пожалуй, легко проговариваемый из них – порядок *организации времени* (промысловый календарь и прямо связанный с ним посредством локального рациона календарь кулинарный). Сезоны охоты сменяют друг друга: на бортовую дичь, болотно-луговую и водоплавающую, на медведей, кабанов, лосей и на пушного зверя. Иногда подготовка к сезону начинается задолго до его наступления – так, к

²¹ ФА СПбГУ, Леш1-16. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогора, д. Прошина А. А., 1932 г. р., местная; зап. Адоньева С. Б., Веселова И. С., Матвиевская Л. Ф., Баранов Д. К. 15.07.2009.

²² Согласно Ч. С. Пирсу, «знак может быть либо иконой, либо индексом, либо символом»: «Знак может быть **иконическим** (iconic), т. е. может репрезентировать свой объект главным образом через подобие... (образы, схемы, метафоры)»; «**Индекс** есть знак, который немедленно потерял бы качество, делающее его знаком, с исчезновением своего объекта... Такова, к примеру, мульда с отверстием, проделанным пулей, как знак выстрела; ибо без выстрела не было бы отверстия, но оно есть, приписывает ли кто-либо его появление выстрелу или нет»; «**Символ** не может указать на какую-либо конкретную вещь – он денотирует некоторый тип вещей. При этом он сам является не единственной вещью, но общим типом» [Пирс 2000: 77–93].

осеннему прилету гусей на лугу за деревней выращивают небольшое поле-приманку с горохом. К началу других сезонов хозяева стараются успеть закончить домашние дела, подгадать отпуск на работе, чтобы на одну-две-три недели отъехать в охотничью избушку. Сезоны наступают не столько по мере официального объявления об открытии охоты, сколько по мере складывания погодно-природных обстоятельств.

Благосостояние семьи и местные **кулинарные привычки** также зависят от охоты: мясо в ежедневные супы, томящиеся в русской печке, попадает чаще, если в доме есть охотник. Добыча должна стать едой. И первое, что заводят современные деревенские хозяйки при появлении в доме денег, — большие лари-морозилки для сохранения запасов, равномерного распределения их в течение года. Охота в севернорусской деревне — не спорт и развлечение, а **добывание пищи и средств** (*У мяса быть, да без мяса жить грешно*). Парнишние *виноградия*, припевающие парня девке, прославляли именно охотника, «куницами-лисицами» увешанного, умеющего обеспечить свою семью мясом и мехом.

*Не во далече, в далече, во чистом было поле,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Там стоял-то постоял да бел-полотяный шатёр,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Бел-полотяный шатёр, да полубархатный,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Как во этом во шатре да дубовы столы стоят,
Да виноградиё, красно-зелёное.
А за этими столами сидит девица-душа,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Сидит девица-душа, да уж Ольга-госпожа,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Сидит Ольга-госпожа да свет Васильевна душа,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Она шила-вышивала да тонко бело полотно <...>
А тут шёл да прошел да удалой молодец,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Удалой молодец да свет Виктор-молодец,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Да свет Александрович,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Он куницами-лисицами обвешался,*

*Да виноградиё, красно-зелёное.
На золотое он копье да опирается,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Небылыми словесами похваляется...²³*

Социальный порядок как горизонтальной/синхронной, так и вертикальной/диахронической связей обнаруживается в существующей **пространственной** сети охотничьих избушек и *путиков*. Охотничьим *путикам* посвящен полевой отчет по экспедиции 2010 года А. А. Шматко «Охотничьи путики: траектории социальных отношений» [Шматко 2010]. По ее определению, «путик – это охотничья тропа в лесу, вдоль которой ставятся ловушки на зверей. Тропа принадлежит роду и передается по наследству» [Там же]. Маршрут тропы имеет форму петли, то есть охотник не возвращается тем же путем, каким пришел в крайнюю точку маршрута. У большой петли есть малые ответвления, что объясняется расположением поваленных деревьев – удобных мест для установки *силышек* или засад. По наблюдениям А. А. Шматко, самый близкий от деревни *путик*, о котором упоминали информанты, находится в 3–4 км; самый далекий – в 100 км. Охотники деревни знают *путики* друг друга, но иногда *путик* помечается родовым клеймом. Так клеймят срубленный лес, стога сена, заготовленный мох и орудия: «... в лесу охотники ходили там, все уже он че-то там, своё клеймо поставил – это моё, это значит он там уже» [Там же].

Социальная организация проявляет себя, во-первых, в порядке **очередности** пользования избушкой и *путиком* несколькими родственниками или свойственниками, например братьями или зятьями:

Несколько братьев, много, так в один путик и ходили! <...> По очереди ходили, ловились²⁴.

Организация очереди отражает локальное представление о справедливом распределении ресурсов между легитимными субъектами обычного права (которыми в данном случае считаются только состоящие в родстве лица).

Во-вторых, **родовая²⁵ организация социума** воспроизводится в правилах наследования избушек и *путиков*. Избушки и *путики* наследуют мужчины рода от отцов и дедов.

М. К.: У дедушок вот занимают сыновья, и боле у дедушок да у отцов. Н. Т.: У прадедушок!²⁶

²³ ФА СПбГУ, Мез18-174. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердский с/с, д. Жердь, Кузнецов В. А., 1933 г. р., д. Жердь, Кузнецова К. И., 1932 г. р., д. Жердь; зап. Адоньева С. Б., Веселова И. С., Козак В. В., Самойлова Е. Е.

²⁴ ФА СПбГУ, DTxt10-156_Arch-Lesh_10-07-12_LevkinaMK.txt. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Кеба, д. Левкина М. К., 1949 г. р., местная, Левкина Н. Т., 1933 г. р., ур. д. Олема; зап. Веселова И. С., Воронков П. А., Беляева Е. А., Козлова А. В. 12. 07.2010.

²⁵ Род как большая семья в ее временной протяженности – от предков к потомкам. Нынешняя глава одного из самых старых родов в деревне Засулье, Людмила Васильевна Бобрецова, называет себя через свекра – *Люська Пронькина*, а вот ее старшего сына, Александра Дмитриевича Бобрецова, зовут и по сей день *Саша Митьки Проньки Ваньки Ильюхина сына* [Полевой дневник автора. 2013 г.].

²⁶ ФА СПбГУ, DTxt10-156_Arch-Lesh_10-07-12_LevkinaMK.txt.

В деревне Засулье Лешуконского района в 2013 году нам рассказали про избушку, которая принадлежит роду Бобрецовых уже как минимум столетие. Территория вокруг нее вместе со всеми путиками местным обычным правом приписана к ней. На советское время сенокос вокруг избушки переходил в ведение колхоза, и в избушке даже ночевали колхозники во время косьбы, но охотиться там никто не мог себе позволить.

В практике местной охоты и рыбной ловли заложен еще один базовый социальный принцип – **неприкосновенности чужой собственности**. Ни один из местных охотников не может позволить себе забрать добычу с чужого путика, улов из чужой *вёрши* (особой сетки для ловли рыбы).

*Значит, два охотника были, и вот тоже всё грешили, что один у другого там проверяет, да всё, и вот... И один сгорел в избушке, и дверь была подперта снаружи... подперта. Да, он не мог уйти*²⁷.

Описывая практики пользования избушками и путиками, А. А. Шматко сделала интересное замечание, «сопоставив абсолютный запрет на присваивание добычи на путике с открытостью избушки» [Шматко 2010]. Всеми нашими собеседниками признавался тот факт, что до последнего времени охотничьи и рыболовные избушки держали открытыми, давая возможность переночевать в них всем нуждающимся и пользоваться запасом крупы, спичек и дров (по возможности их восполнив). Исследовательница считает, что, по представлениям местных жителей, запасы в избушке и добыча имеют разный источник происхождения. «Количество и качество добычи не зависят от охотника. Оно определяется только его удачей, его жребием и, соответственно, связано с некими высшими силами... и распределением блага, имеющегося в ограниченном количестве, между охотниками. Тогда выходит, что вор не просто забирает нечто, принадлежащее другому человеку, а претендует на его долю. Такого рода преступление подвергается более жестокому наказанию, чем просто кража» [Там же].

Соблюдение этоса и габитуса промысла происходит, во-первых, под контролем охотников-современников – именно они следят за неприкосновенностью добычи, во-вторых, в перспективе ответственности перед предками, разработавшими путик и построившими избушку. И то и другое нужно

²⁷ ФА СПбГУ, DTxt11-064_Arch-Lesh_11-07-07_AlimovaSA. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Чуласса, Алимова С. А., 1953 г. р., д. Чуласса; зап. Барсукова О. П., Шматко А. А. 11.07.2011.

держат — содержать в исправности; в случае, если путиком несколько лет не пользовались, его нужно *поднять*.

Эмоциональные и психические нормы поведения на местной охоте также общеизвестны и в то же время существенно отличаются от описываемой в литературе и произведениях искусства дворянской охоты. Во-первых, местная охота — дело преимущественно одиночное (*Раньше все одно ходили, че по двое ходить?*), как максимум позволяющее напарника. Пара эта образуется из взрослых братьев или *братанов* (двоюродных братьев), одноклассников или зятьев. Чаще всего охотничья двойка состоит из ровесников и не меняется десятилетиями. Исключение из привычки горизонтальной связи составляют отцы с сыновьями-подростками:

*В охоту мы ходим. Я же хожу с ними. Уже кое-чему показываю, хоть азы это, хотя бы азы-то, это. Хотя бы различали, чей где след, куда ушёл зверь, потом уж пойдёт и поволока выволока*²⁸.

Если у семейной пары нежные отношения, то иногда они выезжают на охоту вдвоем, но чаще супружеские пары выезжают за грибами-ягодами и на рыбалку.

Имея в виду сказанное о доле и распределении благ, о доступе к ресурсам и вообще о том, что напарникам необходимо провести в прямом смысле бок о бок длительное время, они должны идеально совпадать друг с другом в психологическом и этическом планах. Полагая охоту **одиночным промыслом** (*Полагайся сам на себя да и все. Если хочешь охотиться...*) по преимуществу, охотники отправляются в лес с напарником, которому **доверяют, как самому себе**. Так, в рассказе Василия Федоровича Воронцова сохранился случай из жизни отца и его товарища, когда оба были на волосок от гибели и оказывали помощь друг другу.

А потом случай был ишшэ такой. Пошли они с товарищем. Так. На охоту, наверно. Берёзы. Медведи маленькие ползают чё-то где-то тут. Маленькие. А медведица вышла на них. О-о-о, какая горячая вышла! Беда! У него ружьё всего на двадцать... Двадцатиколиберный. Да и больше ничего нет. <смеётся> И она подвигается и подвигается всё к нему. Ближе, ближе. «Федька, ты, говорит, мало ли ак, топором ей. Или стрель да брось ружьё-то ей в морду». <Это другу говорит?> Да, другу. «Не трусь». Вот, едрит. Собаки куда-то убежали, лают где-то. Близко уже стала подходить. Подходит

²⁸ ФА СПбГУ, Мез26-276. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, д. Нечаев В. И., 1956 г. р., местный; зап. Туминас Д. К. 24.07.2009.

и подходит потихоньку. Фушкат, всех слюной забрызгала. И потом собаки выбежали, две собачки, маленькия-то — хать, вторая-то — так, опять с другой стороны. <смеётся> И она так, так, не может схватить некого. Стояла, стояла, стояла тут, фушкала, фушкала и... повернулась и убежала. Собаки-ти вот, которые хорóши-ти дак. Дворняжка одна-та была. Дворняжки-ти они зубасты таки тоже. <смеётся> Не струсили они. Вот так вот. Дак ведь вот так вот. Тут вот как раз смерть-то была. Если бы не собаки, дак и всё бы. <Это он рассказывал, ваш отец?> Да²⁹.

Отрицательный опыт охоты с напарником, которого наш рассказчик не только не зауважал, но который поставил жизнь товарища под угрозу, стал темой эмоционального (количество вводных слов сокращено из экономии места) рассказа одного из наших молодых информантов. Надо сказать, что опытные охотники вообще гораздо менее эмоциональны и более сдержанны в оценках и речи.

Там ходит: бух, бух, что-то стреляет, нах... Потом тут слышу: бух, я головой повел, тут слышу: жжж, чё-то над башкой. Думаю: «Чё за х...ня? Что жужжит? Сначала думаю, может, к<ак> это, шмель? Да какой, на х., шмель, октябрь, конец. Какой ещё шмель?» Потом: бух, еще раз, опять: жжж. ... да это дробь евовная летает, нах.... Я под крышу залез, г<ово>рю: «Не стреляй, б...ть!» Вот. Тока, бошку высунул — буух. Я <нрзб.> на песок выскочил, слышу: бух-бух, еще раз. Подождал, он пришёл: «Ты чё, сука, творишь? Ты, — г<ово>рю, — меня чуть не застрелил».

Гендерная характеристика охоты, казалось бы, очевидна — это мужское занятие, но на Вашке и Мезени охота на мелкую дичь с силками на путиках — вполне распространенное занятие и для женщин. Частенько наши собеседницы рассказывали, что у них есть собственные путики недалеко от деревни.

<Вы на охоту тоже ходите?> Да. <Ничего себе!> Я хожу, силки ставлю нынче-то, там, это самое, ловушки ставлю³⁰.

Но охота с ружьем с длительным проживанием в избушках (так называемая **активная** охота в терминологии этнографов) — это, конечно, абсолютная мужская прерогатива. Редкие исключения только подтверждают правило. Так, в одной из деревень в верховьях Мезени нам указали, что одна из жительниц считается односельчанами *полмужичьем*, то есть

²⁹ ФА СПбГУ, DTxt10-177_Arch-Lesh_10-07-18. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогора, д. П. А. Г., 1981 г. р., местный; зап. Елян К. Б., Лаврина М. Н. 18.07.2010.

³⁰ ФА СПбГУ, Мез24-483. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, с. Воронцов В. Ф., 1929 г. р., местный; зап. Веселова И. С., Маточкин А. А. 21.07.2009.

³¹ ФА СПбГУ, DTxt12-114_Arch-Lesh_12-07-17_PotashvaUV. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Возгорский с/с., Возгора д., Поташева У. В., 1956 г. р., местная; зап. Козлова А. В. 17.07.2012.

не соответствующей нормам местной женственности. Оказалось, что ей свойственно такое сочетание повседневных практик, как: ходить на охоту, заниматься строительством и носить штаны. Отдельно взятые последние характеристики не приводят к репутации «полмужичья», штаны носят многие женщины: в них удобно заниматься огородом и убирать сено, но замеченная привычка ходить на охоту с ружьем в одиночку — однозначный приговор.

С точки зрения физической и интеллектуальной подготовки, охота предполагает **ловкость и смекалку** охотника, его знание леса и повадок зверей и птиц. По одному из здешних рассказов, дед передал в пользование внуку путик, начертив ему схему леса и предложив разгадать квест. Внук получил право на наследство, сумев самостоятельно найти избушку в лесу и восстановить путик. Без предварительного овладения практикой охоты такой квест неразрешим. Как уже говорилось, охотники различают уровни овладения мастерством: от простейшей охоты на уток до добычи крупных хищников или ловких и ценных своим мехом зверей (куниц, песцов).

Охота опасна встречей с хищником, более хитрым и сильным, чем человек, прежде всего с медведем, и тем, что человеку нужно уметь быть одному в лесу, не поддаваясь страху. Именно **управлению страхом**, по мнению опытного охотника В. И. Нечаева из села Жердь, он должен научить своих сыновей на охоте в первую очередь:

*Эти, вот если где-то чего-то слышалось, вот в доме чужом ли <нрзб.> чего-то, надо всегда сходить и досмотреть. Перебороть в себе страх и посмотреть, что там где-то*³¹.

Еще одним не самым заметным психологическим правилом является **отсутствие жалости к уже добытому зверью**:

*...даже раньше папа, когда чё ли с охоты принесёт, там гуся ли чё ли, тоже раньше маленькие жале-ели. Папа говорит: «Никогда не жалейте», — говорит, — «нельзя»*³².

Как видно, этот навык воспитывается специальными запретами.

И, возвращаясь к этимологии названия промысла — «охота», укажем на испытываемый в процессе промысла **страстный азарт**:

³² ФА СПбГУ, Мез20-261. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, д. Нечаев В. И., 1956 г. р., местный; зап. Туминас Д. К. 15.07.2009.

³³ ФА СПбГУ, Мез22-135. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, д. Нечаев И. В., 1994 г. р., местный; Нечаев А. В., 1996 г. р., местный; зап. Туминас Д. К. 14.07.2009.

В смысле нет, просто охотиться, надо как-то, чтоб интерес был, подкрадываться, б...ь, скрадывать, интересно. Я тут в этом году осенью-то, выбрался на охоту. Это за два года я первый раз выбрался. Вот той осенью. <Да ладно!> Той осенью, которая была... никуда не ходил. Вот. А вот в том году выбрался. Ай б..., я когда первую птицу убил, меня аж колотун, как у пацана, как будто я вообще первый, в жизни первый раз птицу убил, б... Вообще, блин³³.

Также укажу на неперемutable **удовольствие** от результата промысла:

В другой раз пойдёшь, восемь штук попадёт глухарей таких. Отнесёшь. Сердце радует. Всё равно, не опростоваешь <устаёшь. — А. М.>³⁴.

Перечисленные выше социальные, гендерные, временные, эмоциональные и пространственные правила и парадигмы охоты — лишь самые очевидные из всей этой области повседневности, в которую вовлечены многие мужчины на протяжении всего течения реки Мезени. Описывая метафоры охоты в символическом поведении здешних жителей, я показала, какие отношения создаются ими. Но изначально эти отношения кроются «в теле» практики охоты.

«Все символические манипуляции с телесным опытом, начиная с перемещений в символически структурированном пространстве, стремятся навязать *интеграцию* телесного, космического и социального пространств, мысля их одними и теми же категориями и расплачиваясь за это изрядным логическим примиренчеством; внушить связь между человеком и природным миром, состояниями и действиями, дополняющими и противопоставляющими представителей разного пола в разделении сексуального труда и разделении труда по полу, а следовательно — биологическом и социальном воспроизводстве» [Бурдые 2001: 151].

Поскольку охота (и особенно промысел активный — с ружьем) является по преимуществу мужской практикой, мы имеем дело с **мужскими гендерными ценностями**. Именно они транслируются как в мужских по исполнителю символических действиях (рописи прялок, речах сватов и дружек, свадебной стрельбе), так и в «женских» текстах (лирических песнях, *охоте на молодок*).

В охоте-промысле актуальны **горизонтальные социальные** связи: деревенские охотники следят за правилами пользо-

³⁴ ФА СПбГУ. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогора, д. П. А. Г., 1981 г. р., местный; зап. Елян К. Б., Лаврина М. Н. 18.07.2010

³⁵ ФА СПбГУ, Мез24-459. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, с. Воронцов В. Ф., 1929 г. р., местный; зап. Маточкин А. А. 14.07.2009.

вания, распределения и неприкосновенности добычи, очередностью пользования избушкой-путиками. Та же референтная группа объединяется в ритуальном «загоне куницы» или «стрельбе по гусю/тетере».

Они же декларируют как желанность чужой женщины, так и символический мораторий на **чужую добычу**, если владелец (муж) будет трудиться сохранить ее. Если добыча на промысле безусловно неприкасаема, то чужая жена неприкасаема при условии содержания ее под присмотром в доме, в то время как в публичном пространстве высок риск посягательства: если на улице «будете распускать, то молодцы ребята будут хватать». То есть поведение жены находится в зоне ответственности и контроля мужа, она сама в этом отношении уязвима и безвольна.

Она как добыча всегда является объектом чужого **удовольствия и желания** – главных эмоциональных доминант промысла охоты. Удовольствие от азарта и интерес, блокировка страха и жалости – воспитанные «эмоциональные константы» субъекта охоты. Объект охоты, добыча, наоборот, испытывает страх и взывает к жалости (именно *пожалеть* ее просит невеста родных и подруг в свадебных причитаниях).

Мы видим, что, усвоив предписанные «эмоциональные константы», социальные и телесные навыки в промысле, охотники переносят эти отношения в иное поле: поле сексуальной и семейной жизни. В промысловой практике охотник тренирует навыки соревнования, неприкасаемости чужой добычи, ответственности за свои действия, кормления-содержания, отсутствия страха и жалости, азарта и желания. Эти навыки возникают в отношениях с субъектами и объектами действия: с добычей, с другими охотниками, с родом, с напарником, с окормляемыми домочадцами. М. Серто утверждает, «что именно отношения (всегда являющиеся социальными) определяют участвующие в них категории, а не наоборот, и что каждая индивидуальность является местом, где действует не связанная (и часто противоречивая) множественность ее относительных детерминаций» [Серто 2013: 39]. Отношения с каждым из контрагентов создает этос, типичный для охотников и знакомый окружающим их людям. Каждый охотник вправе переносить или не переносить метафоры из символической деятельности далее в

реальную жизнь и отношения. Сложно представить себе мужчину и женщину, проживших жизнь в заученных раз и навсегда ролях. Сложно не признать друг за другом личных качеств и индивидуального опыта. Под воздействием опыта приходится менять сценарий и одним учиться не бояться, а другим – жалеть. Очень искреннюю беседу с известным в низовьях Мезени семейным дуэтом, прожившим вместе на момент знакомства 50 лет и когда-то давно *припетых* друг другу традиционным *виноградием*, муж закончил признанием:

В. А.: Я ее берег, берег. У нас судьбы схожи, вот. Я, может быть, не столько ее так любил, как я жалел ее. У меня любовь-то... К. И.: Не рассказывай ты... В. А.: Жалость. У меня вот это-то было.

Литература

Адоньева 2001 – *Адоньева С. Б.* Суженый – ряженный – animus – бес // Адоньева С. Б. Категории ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб., 2001. С. 77–100.

Бейтсон 2009 – *Бейтсон Г.* Стил, изящество и информация в примитивном искусстве // Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по антропологии. М., 2009. С. 191–219.

Богданов 2001 – *Богданов К. А.* Игра в жмурки: сюжет, контекст, метафора // Богданов К. А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 109–181.

Бурдые 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.; М., 2001.

Даль 1995 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995.

Ефименко 2009 – *Ефименко П. С.* Обычаи и верования крестьян Архангельской губ. М., 2009.

Лакофф, Джонсон 1990 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник. М., 1990. С. 387–415.

Левкиевская 2004 – *Левкиевская Е. Е.* Охотник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. С. 599–604.

Осорина 2010 – *Осорина М. В.* Рисованные истории в изобразительном творчестве детей и их зрительском опыте // Русский комикс. М., 2010. С. 107–170.

Пирс 2000 – *Пирс Ч.* Начала прагматизма. СПб., 2000.

Серто 2013 – *Серто М., де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013.

Фуко 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Шматко 2010 – *Шматко А. А.* Охотничьи путики: траектории социальных отношений. Отчет по полевой практике. 2010 // Архив научных полевых отчетов. ФА СПбГУ.